

С. М. СОЛОВЬЕВ О НОВГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ

3 октября 1845 г. в Московском университете состоялся магистерский диспут С. М. Соловьева. Ученому сообществу было представлено, как тогда говорили, «рассуждение» «Об отношении Новгорода к великим князьям», напечатанное тиражом 150 экз. Диспут запомнился современникам. Н. В. Калачов писал через три дня А. Ф. Бычкову в Петербург: «В среду на этой неделе был у нас знаменитый диспут. Соловьев защищал свою диссертацию „Об отношениях Новгорода к великим князьям“. Дельнее всего возражал Кавелин, хотя оппонентов было много, и в том числе сам Давыдов. При первом удобном случае я тебе достану и пришлю диссертацию, которой в руках и теперь еще нет собственных». ¹ Но достать «рассуждение» оказалось настолько трудно, что и через полгода петербургский адресат Калачова не смог получить его.

Диссертация вызвала большой интерес у публики, поэтому Общество истории и древностей российских при Московском университете на заседании 1 июня 1846 г. решило издать диссертацию своего действительного члена. ² В том же году небольшая книжка попала в руки читателей и быстро разошлась.

В этом «историческом исследовании», как назвал сочинение сам автор, Соловьев изложил свой взгляд на новгородскую историю.

Сергей Михайлович как историк сформировался рано. Не зря Т. Н. Грановский заметил после первой его лекции: «Мы все вступили на кафедру учениками, а Соловьев вступил уже мастером своей науки». Отличительной чертой его исторических взглядов была их устойчивость. Его концепция оставалась почти неизменной на протяжении всей его жизни. Концепция истории Новгорода, изложенная в магистерской диссертации, была повторена без изменений на страницах пятого тома «Истории России с древнейших времен».

В новгородской истории С. М. Соловьева в основном интересовал вопрос, как случилось, что «два русских города (Москва и Новгород, — Л. К.), два города, называющие себя отчинами одного и того же владетеля, так отдалились друг от друга на своем историческом пути, что один обнаруживает совершенное незнание об устройстве другого». ³

Обратившись же к различиям в общественном устройстве Новгорода и Москвы, Соловьев продолжил спор, происходивший

¹ Архив АН СССР, ф. 764, оп. 2, д. 329, л. 47.

² Действительным членом общества С. М. Соловьев стал 27 октября 1845 г.

³ Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1846, с. 1.

между историками и касавшийся в первую очередь вопроса, кому следует отдать предпочтение — новгородскому народовластию или московскому единой державе. Чтобы определить и обосновать свою точку зрения в этом споре, Соловьев занялся внимательным изучением общественной жизни Новгорода, прежде всего ее особенностей.

Новгород от Москвы, по мнению Соловьева, отличали вече и посадник. Поэтому «прежде всего мы должны определить, что такое вече, показать отношение его к власти княжеской и потом уяснить причины существования его в Новгороде и отсутствия его в Москве». Выделяются три вида вече, бытовавших в период новгородской самостоятельности: «1) вече, собираемое князем, 2) вече, собираемое против князя, 3) вече судное». ⁴ Первое вече было «законным», оно собиралось «по звону колокола на дворе Ярослава»; второе — «противозаконное», его созыв означал народное восстание. Вече, собираемое против князя, и вече судное могли собираться по дворам недовольных. Вече — «верховное народное собрание» — довольно анархично по своему устройству: «Присутствие на вече не было обязанностью граждан, равно как не было правом известных сословий, каждый мог участвовать в собрании или не участвовать; к тому же его мог созвать любой новгородец, когда хотел и где хотел. Такой орган свидетельствовал о неразвитости общества, возник на заре существования государства и постепенно должен был умереть. Начало новгородского „народовластия“ совпадает с началом самого города и относится к тем отдаленным временам, когда несколько родов славянских поселились впервые на берегах Волхова». ⁵

Народовластие, признанное Соловьевым главной отличительной чертой новгородского общественного устройства, получило с его стороны отрицательную оценку. В этом смысле он шел вслед за такими историками, как Н. М. Карамзин. Развивая его идеи, Соловьев считал, что из этого народовластия ничего хорошего не вышло — только одни раздоры, поэтому и пришлось «вечникам» искать себе примиряющее начало за морем. Варяжские князья выступают «правительствующим началом» среди буйных новгородцев. «Вече умолкло, междоусобие прекратилось, но ненадолго, между самими князьями скоро возникли споры; сила была призвана для их решения; городское народонаселение не замедлило объявить, что и оно может в нем участвовать; вече снова зашумело в старых городах, в Новгороде более, чем где-нибудь... Народ привык к ним (междоусобиям), привык сам решать судьбу свою, привык при первом неудовольствии требовать нового порядка вещей и силою подкреплять свои требования». ⁶

Довольно своеобразно понимал Соловьев посадника. Занявшись немного этимологией, историк сопоставлял это слово с польским *posada* — «колония». Посадник первоначально «означает чи-

новника, которому вверено смотрение над посадою... пришлым элементом народонаселения, т. е. тех, кто живет за городскими стенами и отличается от собственно городских жителей». Но для Новгорода таким пришлым элементом были прежде всего варяги, «следовательно, посадою называлась та часть дружины, которую князья оставляли в городах, признавших над собою власть их, а посадником назывался начальник этого отряда». ⁷ Таким образом, посадник сначала был помощником князя, его заместителем во время его отсутствия.

Решая вопрос, как же наместник князя — посадник — стал выразителем новгородского народовластия, избираемым на вече, Соловьев объясняет эту метаморфозу, как и другие проблемы внутреннего развития Новгорода, в свете заимствованной у Эверса и далее развитой им самим родовой теории. В превращении княжеского наместника в ставленника народовластия оказываются виновными прежде всего сами князья, точнее, родовые отношения, определявшие взаимоотношения между ними. Князья, начиная от Рюрика, смотрели на русскую землю как на собственность княжеского рода, старшим князем всегда считался старший в роде. Поэтому шла постоянная передвижка князей из одного города в другой, князья бродили по Руси, не привязываясь особенно ни к какой ее части. Они все время стремились только занять великокняжеский престол в Киеве.

Что касается Новгорода, то он рассматривался князьями как трамплин для киевского престола. Князья стремились на юг, на севере они оставляли сначала своих наместников — посадников, попавших в зависимость от «городового народонаселения». ⁸

Рюриковичи сами как бы лишили себя власти из-за бесконечных родовых споров. Возникает своеобразное двоевластие — князь и вече, и начинается борьба между ними. В Северо-Восточной Руси, где новые города основывают князья, побеждает князь. В старых городах на Юге и Севере (Новгород) часто верх берет вече. До конца их взаимоотношения не были точно определены. Для Новгорода князья так и остались внешней призванной силой. Они выступают как судьи и полководцы, но от них же требуется невмешательство во внутренние дела местного населения, и новгородцы оставляют за собой право изгонять князя, превышающего свои полномочия.

По мысли Соловьева, в Новгороде все время как бы повторялось «призвание варягов», только таким варягом выступает очередной князь. Всегда, как и «в времена же Клева и Щека и Хорива новгородстии людия», когда «не беша в них правды. И реша к себе: „Князя поищем, иже бы владел нами и рядил по праву“». Только теперь не нужно было идти за моря, в самой русской земле было достаточно князей. Соловьев спрашивает читателя: «...но что мы должны заключить, когда по прошествии нескольких столетий находим в Новгороде первоначальный порядок ве-

⁴ Там же, с. 2.

⁵ Там же, с. 95.

⁶ Там же, с. 96.

⁷ Там же, с. 29.

⁸ Там же, с. 13.

цей, первоначальную неопределенность? Мы должны заключить, что обе власти были задержаны в своем развитии; власть веча не могла развиваться далее известного предела.⁹

Именно «бесперывное движение, непрерывная смена князей вследствие родовых отношений воспринятствовала развитию княжеской власти в старых городах, привыкших к вечевому народовластью, и дала даже им возможность определять иногда отношения к князю в свою пользу».¹⁰ Это и законсервировало в старых городах общественные отношения, которые строились наподобие патриархальных отношений древних славян. Именно семейные понятия определяли общественное устройство Древней Руси. «Семейные славянские понятия, отразившиеся в отношениях князей, отразились также и на отношениях городов, вследствие чего города новостроенные вошли к древним в отношении младших к старшим».¹¹ Это отразилось и на политической зависимости Пскова от Новгорода. Соловьев неоднократно подчеркивал, что архаичность характерна для новгородской истории.

Главным правом Новгорода было «право ограничивать власть князя народным чиновником, посадником».¹² Но раз посадник первоначально был «чиновник князя», то когда же он стал народным чиновником? Сергей Михайлович, в отличие от некоторых историков, не связывал это с событиями времен Ярослава Мудрого, «Льготные грамоты Ярослава касались только финансов».¹³ Посадник, ограничивающий князя, появляется только после 1239 г. Ослабление власти князя всегда вело к усилению новгородского народовластия. В истории города заметны периоды ослабления власти веча, когда там появлялись сильные князья: «...новгородцы утратили права при Всеволоде III, возвратили их во время борьбы его наследников, снова утратили при Александре и вновь возвратили при его преемнике, слабыми силами материальными и личными достоинствами».¹⁴

На первый взгляд читатель может заметить у историка определенное противоречие. С одной стороны, начало новгородских вольностей относится к возникновению самого города, но, с другой стороны, ограничение власти князя и появление посадника как представителя народовластия относятся только к началу XIII в. Однако это противоречие только кажущееся. Соловьев усматривал прогресс в русской истории прежде всего в развитии «правительствующего начала», т. е. государства, поэтому «присвоение варягов», князей, было государственным началом среди буйных новгородцев. Затем князья сами отказались выполнять свои задачи и начали бродить по Руси, покидая берега Волхова ради теплого юга. Государственное начало ослабело, Нов-

⁹ Там же, с. 11.

¹⁰ Там же, с. 16.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 27.

¹³ Там же, с. 33.

¹⁴ Там же, с. 65.

город стал управляться «многомятежным человеческим хотением». Несколько иначе складывалось положение на северо-востоке и юге Руси. На севере князья являлись основателями городов, смотрели на свои княжества как на свою собственность. Вечников на юге сократили татары. Они же помогли северной Руси избавиться от влияния южной, и «один Новгород являлся на Севере представителем старого быта Руси, был одинок и потому бессилен среди маленьких пригородов, но могущих своим соединением, на один Новгород будет обращена теперь ненависть этих новых городов к старым вечникам».¹⁵

Усматривая в укреплении Московского государства торжество государственного начала, одобряя все, что этому способствовало, и осуждая все противившееся этому процессу, Соловьев безо всякого сочувствия относился к новгородскому «народовластью». Симпатии его были полностью на стороне Москвы. Сергей Михайлович довольно подробно описывает отношения Новгорода с московскими князьями, уделяя особое внимание политике Ивана III. Как предательство рассматривается стремление новгородцев найти союзников в Литве. Для него это не просто политический союз, но и отступление от православия. Соловьев всю жизнь был искренне верующим человеком и ни минуты не сомневался в истинности православия. Любые поползновения в сторону латинства оценивались как самые худшие поступки. Поэтому «Москва в окончатальной борьбе своей с Новгородом имела могущественного нравственного союзника, обещавшего верную победу; этим союзником было православие».¹⁶

Соловьев в присоединении Новгорода к Москве видел восстановление «старинности». То была своеобразная реставрация. Московский князь просто восстанавливал свои права на берегах Волхова: эти права пострадали в удельный период, но теперь князь мог опять появиться возле «святой Софии» как судья и полководец, как природный обладатель своей отчины. Значение Ивана III как защитника «старинности» особенно поднялось после того, как Новгород решил «поддаться Казимиру». Теперь в слово «старина» вкладывается глубокий смысл — защита веры, защита православия, полученного от предков, от старинности.

Историк с сочувствием цитирует летописца: «Неверные изначала не знают бога; а эти новгородцы столько лет были в христианстве и под конец отступать к латинству; великий князь пошел на них не как на христиан, но как на иноязычников и на отступников от православия; отступали они не только от своего государя, и от самого господя бога; как прежде прадед его великий князь Дмитрий вооружился на безбожного Мамаю, так и благоверный великий князь Иоанн пошел на этих отступников».¹⁷

¹⁵ Там же, с. 62.

¹⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 3, с. 10.

¹⁷ Там же, с. 17.

Походы Ивана III рассматриваются как последний решительный шаг против старого еще родового быта. Описывая походы 1470 и 1471 гг., Соловьев иногда меняет беспристрастное перо историка на более эмоциональное перо писателя: «... и не тут только природа объявила себя против Новгорода за Москву; опасения, что трудно будет идти под Новгород летом по причине многих вод и болот, на этот раз не оправдались, как нарочно, лето было знойное, от мая до сентября не упало ни капли дождя; не было нигде преграды московским ратникам».¹⁸

Заняв Новгород, Иван III будто бы и не собирался вносить какие-нибудь новости в его жизнь. «Иоани не нарушил ни в чем старины, но давно уже новгородцы отвыкли от нее, ибо в продолжение многих веков великие князья не пользовались своими правами, а новгородцы, пользуясь настоящим, забыли и о прошедшем и о будущем».¹⁹

Эти суждения соответствовали общей концепции Соловьева, согласно которой Москва олицетворяла государственное начало, восторжествовавшее над родовым.

Предложенная Соловьевым трактовка истории Великого Новгорода нашла как последователей в лице К. Д. Кавелина, В. И. Сергеевича и других историков, примыкавших к «государственной школе», так и противников, с разных позиций выступавших с критикой положений этой «школы».

---

¹⁸ Там же, с. 21.

¹⁹ Там же, с. 25.